

МРНТИ 13.07.25

<https://doi.org/10.26577/jpcp96220266>**А.Б. Наурызбаева**

Казахская национальная консерватория имени Курмангазы, Алматы, Казахстан

e-mail: nurzbayeva_a@mail.ru

**ЭСТЕТИКА КОЧЕВЬЯ В ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ:
ПО МАТЕРИАЛАМ МОНОГРАФИИ «КОЧЕВНИКИ. ЭСТЕТИКА»**

Статья посвящена вопросам философско-методологических оснований изучения визуальности кочевой культуры в контексте осмысления материалов первого отечественного комплексного исследования «Кочевники. Эстетика». Обращение к этой книге как теоретико-методологическому основанию изучения вопроса о визуальной казахской традиционной культуре имеет свою историческую обусловленность и обоснование. В первую очередь, в год своего издания этот труд не вышел в свет, оказавшись в числе идеологически «опасного», и подвергся уничтожению. Затем, в довольно усеченной и в некоторой степени преобразованной версии была восстановлена и издана в 1993 году.

Авторы коллективного труда пятьдесят лет тому назад, осознавая необходимость артикулировать собственную мысль в культуре, истолковать свою историю в понятиях собственного мира, обратились к уяснению методологических координат, коррелятивных типологическим, культурно-историческим и цивилизационным характеристикам традиционной культуры казахов в аспекте ее эстетических оснований. Материал книги, как и любой фундаментальный классический труд, не потерял своей актуальности, поскольку заложил основы формирования целостной эстетически обоснованной картины традиционной казахской культуры, в которой мир визуального непосредственно связан с кочевьем как типом культуры. В разноаспектном осмыслении культуры кочевников, сфокусированном на эстетическом видении мира и способов его репрезентации, содержится круг вопросов, имеющих непосредственную связь с проблемами современных визуальных исследований в контексте тенденций глобального «визуального поворота».

В процессе комплексного анализа книги был определен и ряд ключевых концептов эстетики визуального в традиционной казахской культуре: «духовный универсум», «кочевник и пространство», «путь как символ познания», «поиск гармонии», которыми, безусловно, не ограничивается теоретико-методологический потенциал анализируемого источника. В процессе осмысления типологической особенности визуальной культуры кочевников, автором вносится гипотеза об особенностях «гетеротопии изобразительности» как свойстве эстетического освоения пространства культуры, которое объединяет значения «пространство визуальных образов», «альтернативные визуальные пространства» и «гетеротопия визуального представления».

Ключевые слова: визуальная культура, эстетика кочевья, духовный универсум, кочевник и пространство, гетеротопия изобразительности.

A.B. Naurzbayeva

Kurmangazy Kazakh National Conservatoire, Almaty, Kazakhstan

e-mail: nurzbayeva_a@mail.ru

**The aesthetics of nomadism in kazakh visual culture:
based on the monograph “nomads. Aesthetics”**

Article examines the philosophical and methodological foundations for studying the visual aspects of nomadic culture, in the context of analysing the findings of the first comprehensive domestic study, *Nomads: Aesthetics. The reference to this book as a theoretical and methodological foundation for studying the visual aspects of traditional Kazakh culture has its historical context and justification.

The authors of this collective work, recognising the need to articulate their own ideas within their culture and to interpret their history in terms of their own worldview, set out to clarify the methodological framework, correlative to the typological, cultural-historical and civilisational characteristics of traditional Kazakh culture in terms of its aesthetic foundations.

In the course of a comprehensive analysis of the book a number of key concepts relating to the aesthetics of the visual in traditional Kazakh culture were identified: ‘spiritual universe’, ‘the nomad and space’, ‘the path as a symbol of knowledge’, and ‘the search for harmony’, though the theoretical and methodological potential of the source under analysis is by no means limited to these. In the process of examining the typological characteristics of nomadic visual culture, the author puts forward a hypothesis

regarding the features of 'heterotopia of imagery' as a property of the aesthetic exploration of cultural space, which combines the meanings of 'space of visual images', 'alternative visual spaces' and 'heterotopia of visual representation'.

Keywords: visual culture, the aesthetics of nomadism, the spiritual universe, the nomad and space, the heterotopia of imagery.

А.Б. Наурзбаева

Құрманғазы атындағы Қазақ Ұлттық Консерваториясы, Алматы, Қазақстан
e-mail: naurzbayeva_a@mail.ru

**«Көшпелілер. Эстетика» монографиясы негізіндегі
қазақтардың визуалдық мәдениетіндегі көшпелілік эстетикасы**

Мақала алғашқы ресейлік кешенді зерттеу «Көшпенділер. Эстетика» (1976) материалдарын көшпелі мәдениеттің көрнекілігін зерттеудің философиялық және әдіснамалық негіздері мәселелеріне арналған мәселелер түсіну тұрғысынан қарастырылады. Бұл кітапты қазақ дәстүрлі мәдениетінің көрнекі аспектілерін зерттеудің теориялық және әдіснамалық негізі ретінде пайдаланудың өзіндік тарихи негіздемесі бар. Біріншіден, ол жарық көрген жылы (1976) бұл еңбек ешқашан жарияланбаған, идеологиялық тұрғыдан «қауіпті» деп саналған және жойылған. Содан кейін, қысқартылған және біршама өзгертілген нұсқасында ол қалпына келтіріліп, 1993 жылы жарияланды.

Ұжымдық еңбектің авторлары елу жыл бұрын мәдениеттегі өз ойларын тұжырымдау, өз тарихын өз әлемі тұрғысынан түсіндіру қажеттілігін түсініп, қазақтардың дәстүрлі мәдениетінің эстетикалық негіздері тұрғысынан типологиялық, мәдени-тарихи және өркениеттік сипаттамаларына сәйкес әдіснамалық координаттарды нақтылауға бет бұрды. Кітап материалы, кез келген іргелі классикалық шығарма сияқты, өзектілігін жоғалтқан жоқ, себебі ол дәстүрлі қазақ мәдениетінің тұтас, эстетикалық тұрғыдан негізделген бейнесін қалыптастыруға негіз қалады, онда бейнелеу әлемі мәдени тип ретінде көшпенділікпен тікелей байланысты. Көшпенді мәдениетті бұл көп қырлы түсіну, әлемнің эстетикалық көрінісіне және оны бейнелеу тәсілдеріне бағытталған, жаһандық «бейнелеу бұрылысындағы» үрдістер контекстінде қазіргі заманғы бейнелеу зерттеулерінің мәселелерімен тікелей байланысты бірқатар мәселелерді қарастырады.

«Көшпенділер. Эстетика» кітабын кешенді талдау барысында дәстүрлі қазақ мәдениетіндегі бейнелеу эстетикасының бірқатар негізгі ұғымдары анықталды: «рухани әлем», «көшпенді және кеңістік», «білім символы ретіндегі жол», «үйлесімділікті іздеу», бұл, әрине, талданатын дереккөздің теориялық және әдіснамалық әлеуетін шектемейді. Көшпенділердің бейнелеу мәдениетінің типологиялық ерекшеліктерін түсіну барысында автор мәдениет кеңістігінің эстетикалық дамуының қасиеті ретінде «бейнелеу гетеротопиясының» ерекшеліктері туралы гипотезаны енгізеді, ол «бейнелеу бейнелері кеңістігі», «баламалы бейнелеу кеңістіктері» және «бейнелеу бейнелеу гетеротопиясы» мағыналарын біріктіреді.

Түйін сөздер: бейнелеу мәдениеті, көшпенділік эстетикасы, рухани әлем, көшпенділік және кеңістік, бейнелеу өнерінің гетеротопиясы.

*50-летию выхода книги
«Кочевники. Эстетика» посвящается*

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена современным процессом формирования целостной теоретико-методологической базы изучения казахской культуры, особо активное место в котором занимают визуальные исследования (visual studies).

Вписываясь в контекст современной тенденции «визуального поворота» (visual turn), казахские исследователи поднимают вопросы современной визуальной культуры, активно представляемой эстетические визуальные тра-

диции в современной художественной практике в качестве национальных культурных кодов. Исследования указывают на актуальность традиционных визуальных форм как эстетического, идентификационного, духовного ресурса наследия кочевой культуры. «Проблема «человек и пространство» остается актуальной и для современных поколений. Идея пути, одухотворившая художественное творчество кочевников, не может оказаться архаичной в век, когда так остро и многогранно стоит проблема выбора и динамизма», – писал М.Ауэзов (Ауэзов, 2026, с. 51) пятьдесят лет тому назад, как бы предвещая то, что мир сегодня переживает эпоху интенсивной мобильности, миграций, трансформаций границ – и потому идея кочевья приобретает новое звучание.

Актуальность вопросов осмысления философско-теоретических и методологического оснований традиционной, преимущественно кочевой, культуры казахов и ее социально-исторические, цивилизационные, типологические, соответственно, духовно-эстетические характеристики не исчерпала себя. Этот процесс осмысления культурных традиций с обретением независимости находится в своей активной фазе и преимущественно в визуальных исследованиях как в аспекте поиска идентичности, так и аутентичности образно-символической системы в прикладном искусстве, художественной практике в целом.

Коллективный труд «Кочевники. Эстетика» содержит как общетеоретические, методологические вопросы осмысления эстетики кочевой культуры, так и ориентированные на определенные сферы эстетической деятельности. Вместе с тем, практически в каждой из статей авторов этого труда содержится материал, который раскрывает систему взглядов на мир, которая лежит в основе культуры кочевых обществ, а также законы бытия, благодаря которым функционировало традиционное мировоззрение общества.

Объектом изучения выступают эстетические основания традиционной визуальной культуры казахов.

Предмет – эстетика кочевья как философско-культурологический принцип изучения традиционной визуальной культуры казахов в контексте идей монографии «Кочевники. Эстетика».

Цель исследования заключается в освещении основополагающих идей и концептов монографии «Кочевники. Эстетика» и их обосновании как теоретико-методологический вектор изучения визуальной культуры казахов.

Задачи исследования сосредоточены на определении комплекса подходов к раскрытию темы, прежде всего, философско-культурологического осмысления основных концептов книги «Кочевники. Эстетика» а) в аспекте ее теоретико-методологического обоснования особенностей кочевья как типа культуры, б) особенностей эстетического освоения мира и его визуализации.

В соответствии с поставленными задачами статья инициировала опыт активной интеграции материалов книги «Кочевники. Эстетика» в теоретико-методологический и философский контекст осмысления традиционной кочевой культуры казахов в целях признания ее актуальности и историко-культурной ценности. В решении

этих задач в статье показана практика осмысления некоторых аспектов методологии современных визуальных исследований в преломлении типологических особенностей кочевой эстетики пространства и особенностей форм ее художественного воплощения. Значение работы видится в намеченных перспективах разворачивания отечественных визуальных исследований в сравнительном аспекте, поскольку пространственный мир оседлой и кочевой культуры имеют собственные модусы видения, измерения, художественного воплощения и, соответственно, требующих осмысления с позиции определенных эпистемологических координат.

Обзор литературы

Активное изучение эстетики визуальной культуры казахов началось в контексте пробуждения общего интереса к традиционной казахской культуре, ее истории и отдельным феноменам. Активность обусловлена периодом обретения независимости, соответственно, поиском культурно-цивилизационной идентичности. Безусловно, это сказалось на особенностях казахстанской визуалистики, которая в отличие от западной традиции, где преимущественно визуальная антропология связана с изучением фотографии, кино, театра, медиа, т.е. объектом становятся все зрительные средства трансляции культуры в аспекте социальной функциональности, тяготеет к этнографическому и искусствоведческому дискурсу. Как отдельная дисциплина визуальная антропология в Казахстане сформировалась сравнительно недавно, поэтому многие работы лежат на стыке этнографии, искусствоведения и семиотики. Между тем, отдельные труды и, в частности академика А. Маргулана (Маргулан, 1950) следует считать основополагающими в формировании изучения казахских традиционных визуальных форм, таких как орнамент, мир декоративно-прикладного искусства. Эта устоявшаяся научная традиция, опирающаяся на этнографическое прочтение традиционной культуры казахов, безусловно, обновляет свои методологические подходы, что связано с современными тенденциями междисциплинарности. Этот процесс наблюдается в комплексных этнографических исследованиях, содержащих разные аспекты осмысления социокультурной, экономической, мировоззренческой природы кочевого мира казахов, где находит отражение и особенности его визуальной культуры. Труды

М. Муқанова (Муқанов, 1981); А. Толеубаева (Толеубаев, 1991), Н. Масанова (Масанов, 1995) не обходят стороной вопросы визуальных кодов конно-кочевой цивилизации.

Семиотическое прочтение в анализе визуальных аспектов кочевой культуры и искусства, таких как пространство, статус, знаки власти, предметный мир, посвящены работы Н. Шахановой (Шаханова, 1995, 1998); Е. Оспанулы (Оспанулы, 2021); Ш. Тохтабаева (Тохтабаева, 2008) и др. Авторы задаются вопросами прочтения казахской культуры через визуальные формы, раскрывают значения орнаментов и их связь с эстетикой кочевого мира.

Собственно визуально-антропологическими исследованиями в ключе нового научного направления (visual studies), ключевыми теоретиками которых признаны W.J.T. Mitchell (Mitchell, 1994), Nicholas Mirzoeff (Mirzoeff, 1999), John Berger (Berger, 1972), Roland Barthes (Barthes, 1981), Michel Foucault (Foucault, 1986) следует назвать исследования Г. Абикеевой (Абикеева, 2016), О. Батуриной «Landscape Painting of Kazakhstan» (Батурина, 2013); С. Сулейменовой «Art of Kazakhstan in the 20th Century» (Сулейменова, 2017) и ряд научных статей: Samal Mamytova, Әсет Құранбек Национальная идея в визуализациях казахского эпоса (Mamytova 2021); Ахметова Д.С. Роль визуальных образов в формировании культурной идентичности (Ахметова, 2021); Касымбекова А.Ж. Визуализация культурной памяти в искусстве Казахстана (Касымбекова, 2022); Толеубаева К.А. Визуальная антропология и исследование повседневности (Толеубаева, 2022); Жумабекова М.С. Семиотика визуальных образов в традиционной культуре казахов (Жумабекова, 2021); Нурпеисова А. Д. Визуальные репрезентации идентичности в казахстанской культуре (Нурпеисова, 2023); Саутбекова А.К. Визуальная культура Казахстана: трансформация в условиях глобализации (Саутбекова, 2022); Светлана Шкляева Visual studies: культура повседневности казахов в изобразительных источниках – графике художников имперского периода (Шкляева, 2025); Balzhan Nurbossynova, Gulnara Saitova Metaphor as a marker of creativity in digital visual art: aspect of socio-cultural communication (Nurbossynova, Saitova, 2026).

Тем самым, можно констатировать, что изучение вопросов визуальной культуры казахов как ее традиционных средств, способов выражения, так и процессов генерации ее современных

форм и репрезентации, набирает активность. И это актуализирует формирование научно-методологической базы казахстанской визуалистики, основа которой видится в концептуальных, философско-эстетически осмысленных идеях авторов книги «Кочевники. Эстетика».

Методология

Впервые вводимые в научное пространство и привлекаемые в качестве исследования труды авторов коллективной монографии «Кочевники. Эстетика», подготовленные к изданию в 1976 году, обладают спецификой комплексного подхода к изучению и многоаспектного осмысления кочевой культуры. В процессе анализа трудов, во-первых, выявляются фундаментальные концепты, разработанные коллективом авторов, объединяющие общеметодологическое и теоретическое направление исследования культуры кочевников, во-вторых, выявляются методологические основания изучения визуальной культуры казахов.

Одна из опорных позиций нашего исследования, с точки зрения коррелятивности генерализирующей методологии монографии «Кочевники. Эстетика», основным принципом которой является синхрония «двух разнящихся образов духовного мира: мира статики оседлых народов и динамичного мира кочевых племен», рассматривать пространственные представления в сопоставительном аспекте. Этот подход определяет вектор концептуального анализа особенностей визуального мира культуры кочевья в соотнесенности с исследовательскими интерпретациями авторов монографии «Кочевники. Эстетика».

Следует отметить, что методологическая развязка поднимаемых вопросов авторами рассматриваемой в качестве материала исследования коллективной монографии построена на альтернативных позициях эпистемологическим координатам, доминировавшим в социальных науках вплоть до последнего времени. Линейный дискурс истории мировой культуры в режиме «цивилизованный и отсталый, варварский» миры, где кочевник, по определению, не способен сформировать духовность как средоточие культуры, деконструирован ими на основании системного понимания единства мировой культуры как диалектического процесса взаимодействия и обособления народов. Анализируя известную концепцию «осевой эпохи» философа

XX века К. Ясперса, М.М. Ауэзов нашел в ней методологический изъян в отрицании объяснения каузальности появления этого прорыва человечества, которую А. Вебер связывал с ролью кочевников как проводников трансляторов идей. «Глубоко верю в то, что основной проблемой в духовной жизни «осевой эпохи» была проблема единства и распада миров кочевья и оседлости» – утверждает ученый (Ауэзов, 2026, с. 75), тем самым объясняя необходимость типологической стратегии понимания картины истории мировой культуры. А вместе с этим и легитимность альтернативного подхода к культурологическим, цивилизационным измерениям человечества. В частности, если исходить из общепринятого концепта «культура», этимологически восходящего к «возделыванию земли», «вращиванию» и последующим смысловым вариациям этого значения, которое напрямую связывают с оседло-земледельческим типом хозяйствования, то почему этот признак не приемлем для кочевого типа, который взрастив, одомашнив лошадь, создал свой тип культуры.

По мнению казахских исследователей, человечество сформировало два типа культуры по способу жизнедеятельности: оседлый и кочевой: «в процессе исторического развития сложились народы, для которых естественная реальность бытия в движении, для других – в оседлости». Это «равновесный» подход к феноменам культуры, избегающий ценностной оценки по шкале, характерной для той же историко-культурной типологии, которая в своей линейной парадигме выстроила путь культуры от «примитивности» к «классике». Культура не есть установившееся, она всегда – становящееся, на каждом этапе становления которой происходят процессы, не менее и не более важные, чем предшествующие или предстоящие. С. Акатаев подчеркивал, что «сравнительная устойчивость кочевого быта, обусловленная экономическим базисом, в свою очередь отразилась на его культуре. Кочевая культура, в целом представляет собой относительно целостный, структурно единый социальный организм. Она выступает... как система, находящая свое выражение в образовании единой могучей культуры» (Акатаев, 2026, с. 30).

И по твердому убеждению исследователей, рассматривать человека следует в контексте мировой истории в гуманистическом ключе принципа антропологии не разделяя, а в единой, некогда сложившейся картине человечества, где есть и кочевник, и оседлый. Но в локаль-

ном рассмотрении, точнее – типологическом, «перед нами целый материк своеобразного мироощущения, во многом отличный от картины мира в культуре оседлых народов», – пишет М.М.Ауэзов (Ауэзов, 2026, с. 51). Этот вопрос был менее всего изучен и осмыслен наукой, поскольку, считает ученый, «современное гуманитарное знание не перегружает себя эстетическим, философским изучением кочевья ни в типологическом (опыт кочевых народов), ни во всеобщем плане. Между тем кочевье – как одно из универсальных состояний общечеловеческой истории, и не только прошлой». Поэтому закономерна была постановка вопроса о «духовном универсуме» культуры казахского кочевого общества в эстетическом восприятии мира этой культуры, впервые отрефлексирующая в научных статьях авторов сборника «Кочевники. Эстетика» 1976 года.

Философско-теоретическая и методологическая установка этого комплексного исследования свидетельствует об оригинальности видения эстетики кочевого мира, концептуальной смелости, которая опередила современную эстетическую теорию, практически на десятилетия. Как известно, классическое понимание эстетики как науки о прекрасном поэтапно менялось в зависимости от мировоззренческих установок культуры, преимущественно западной, и только в постклассическом дискурсе оно стало акцентироваться на «неутилитарном созерцательном или творческом отношении человека к действительности» как специфическом опыте её освоения, в результате которого человек получает духовное наслаждение от «своей органической причастности к Универсуму» (Бычков, 2001, с. 457).

Тем самым, как и классическая философская мысль вышла за горизонты своей мифологической практики благодаря эстетической оптике мирозерцания, мироощущения и отношения как к событию с миром, так и во главу угла книги «Кочевники. Эстетика» была поставлена задача раскрыть особенности эстетического освоения бытия традиционной культуры казахского этноса. Это определило концептуальное ядро книги – открытие путей самопостижения национальной культуры в призме эстетического мирозерцания, мироощущения и отношения человека с миром.

Ключевой концепт исследования «Кочевники. Эстетика» – «духовный универсум» выступает как знак целостности, универсальности и цен-

ности общечеловеческого масштаба, поскольку «не ведающий трансцендентного мира не примет целостности мироздания» (Ауэзов, 2026, с. 71). В этом по-философски емком определении сформулирован главный методологический посыл отправной интенции исследовательского подхода к осмыслению казахской традиционной культуры. Целостное видение мира кочевья – основа системного понимания культуры и ее феноменов, как органического единства и ее частей, их взаимообусловленности и, соответственно, соотносимости по определенным критериям.

Этот методологический аспект исследования кочевой культуры формулируется С. Акатаевым в положении о том, что «познать специфику культуры кочевников как явление целостное, системное, значит отразить ее в категориях науки, раскрыть источник ее возникновения, ее основное противоречие. В координации и субординации частей, составляющих систему, важно раскрыть главную часть, т.е. ту основу, на которой развились и выросли остальные элементы» (Акатаев, 2026, с. 40).

Поскольку наша работа фокусируется на методологических основаниях визуальных исследований, возникает необходимость в уточнении теории визуальной культуры и вариативности ее интерпретации в современной научной парадигматике. Необходимость подобного рассмотрения вызвана многомерностью определения феномена «визуальная культура» в междисциплинарном поле ее изучения. и поиском его интерпретации, коррелятивной эстетике визуальности кочевой культуры. В ключе методологии эстетики кочевья как контекста современных философских исследований и социальных теорий должна рассматриваться визуальная культура казахов.

Гипотеза нашего исследования базируется на понимании того, что концептуальное содержание книги «Кочевники. Эстетика» как одного из первых открытий путей самопостижения традиционной казахской культуры в призме эстетической оптики мирозерцания, мироощущения и отношения кочевника с миром, способствует формированию фундаментального теоретико-методологического основания визуальных исследований казахской культуры.

Подтверждением этой гипотезы служит комплекс следующих используемых в статье методов:

концептуальный анализ выявляет методологические основания исследования кочевой

культуры и их аргументацию, которыми руководствовались авторы статей в определении эстетики визуальности казахской традиционной культуры;

герменевтический анализ трудов книги «Кочевники. Эстетика» необходим для уяснения авторских интенций в определении эстетических основ визуальной культуры кочевников с точки зрения социально-исторического контекста изучаемых традиций;

историко-философский метод, в свою очередь, необходим для рассмотрения идей книги в контексте стратегий деконструирования интеллектуальных традиций господствовавшего евроцентристского дискурса гуманитарной науки;

в связи с чем потребовался *дискурс-анализ* в *сравнительном ключе* научных концепций, применяемых к типологически разным культурным традициям;

культурологический анализ ориентирует на поиск культурных символов и социальных норм. Кочевая культура рассматривается как особая эстетическая модель мира со специфическим способом организации пространства, времени и человеческого опыта, формой существования которой является движение в осваиваемом пространстве.

Результаты и обсуждение

Опора на ключевой концепт книги «Кочевники. Эстетика» – «духовный универсум» как на системообразующий элемент культурной целостности, открывает перспективы рассмотрения вопроса об особенностях визуальной культуры кочевников, ее онтологической природы и эстетического содержания. Современная теория визуальности с ее междисциплинарным подходом предлагает вариативность предмета изучения культуры в рамках эстетики, культурной антропологии, искусствознания, что в обобщающем виде предстает как изобразительность и как человеческое видение окружающего мира. В подобном ключе построено изучение эстетического освоения мира кочевниками в анализируемой монографии. Особенностью видения мира кочевником обусловлено структурой его духовного универсума, который репрезентирован преимущественно в картине созерцаемого мира, что получило свою особую форму изобразительности в границах доминирующих принципов эстетики и пространственных представлений. Пространственные ориентации слагались из

представлений человека, в известном смысле находящегося в центре обозримого мира, каким бы великим он ни был. «Это самоощущение отразилось в осмыслении художественного пространства в искусстве. Эстетически преобразованное «художественное пространство в произведениях прикладного искусства передает ощущение простора и уверенности в нем, а чередующиеся мотивы – ощущение свободного движения, динамического настроения», – полагает К. Нурланова (Нурланова, 2026 с. 235).

По мнению Э. Шакеновой, кочевники, стремясь освоить неотделимый, целостный с ним огромный мир, чувствуют полноту гармонии с ним. Естественное лицезрение «вечно движущейся и изменяющейся природы в непосредственном живом созерцании, без расчленения до анализа, развивало у человека воображение, творческую фантазию». Пребывая в единстве с миром природы, внутри нее, кочевник обладает особой полнотой «углубленного и проникновенного созерцания окружающего во всей его целостности и совершенстве» (Шакенова, 2026, с.96). Тем самым целостный мир визуального предстает в «стратегии освоения» пространства кочевником как эстетическое созерцание, как эстетическая деятельность, что находится в системной связи с концептом «кочевник и его пространство». Этот концепт основан на понимании того, что «кочевник строит свои отношения с пространством иначе, чем оседлый». Более того, кочевники «создали и свою, отличную от других систему пространственных представлений, которая, оказала довольно значительное влияние на формирование архитектуры оседлых народов», – доказывает в своем исследовании Б. Ибраев (Ибраев, 2026, с. 280).

Пространство кочевника не замкнуто в условной бесконечности круговорота природы, оно подвижно в сменяемых картинах преодолеваемого и воспринимаемого зримого пространства. Отсюда, по всей видимости, проистекает особая значимость созерцательности, что в концепции К.Ш. Нурлановой (Нурланова, 1999), трактуется как «всеобъемлющая константа духовности», которая выступает и как способ постижения мира, и как основа философского отношения к бытию человека и мира. Созерцание в подобной интерпретации предстает как основа и культуры мироотношения, и культуры эстетического восприятия мира, и культуры общения.

Созерцание как способ восприятия мира, разделенное собственной эстетической оптикой,

формирует картину мира в ее пространственной макро-и-микропроекции. Это отчетливо демонстрирует пространственная целостность казахской юрты, которая органично сочетает вертикальную и горизонтальную проекции макромира: как сама ее конструкция, так и все содержимое воплощают мировидение, картину мира кочевника, «организованного» духовным универсумом тенгрианского миропонимания.

Автор статьи «Пространственные представления в культуре кочевников» Бек Ибраев отмечает, что «анализ жилища эпохи верхнего палеолита, когда еще не произошло четкого разделения на кочевников и оседлых земледельцев, показывает», что уже тогда была создана система построения пространства, которая имела «в зародыше» эстетические каноны как первоосновы развития пространственных представлений как у кочевых, так и у оседлых народов» (Ибраев, 2026, с. 254). Это утверждение говорит о том, что визуальная культура кочевников и оседлых народов обусловлена как способами пространственного видения, так и особенностями его эстетизации.

По-видимому, в связи с тем, что человек оседлости онтологически «привязан» к миру в пределах видимого горизонта, его пространство постоянно созерцаемого ограничено определенным природным ландшафтом или картиной поселения и тяготеет к дополнительным изображаемым пространствам для расширения границ своего эстетического мироощущения и конструируемой картины мира, что обуславливает появление собственных форм гетеротопии. Теория гетеротопии М. Фуко (Foucault, 2019) хотя и разработана была в контексте дискурса власти в аспекте репрезентации социальной реальности, но четко продемонстрировала, что «иные пространства» присущи всем культурам, и они способны совмещать в себе несколько несовместимых пространств в сосуществовании различных культурных, временных или символических слоев. Следует пояснить, что в данном случае под гетеротопией следует понимать не только «иные пространства» в прямом «по-фукоистски» трактуемом значении этого термина, но и как «другие» «пространства визуальных образов», «альтернативные визуальные пространства», а также «гетеротопия визуального представления». Безусловно, гетеротопия, понимаемая как «другие пространства» в аспекте изобразительности имеет как свои универсальные эстетические коды, что восходит к мифологическим пространствен-

ным архетипам, так и культурно-историческую, типологическую вариативность.

Мифологическая структура мироздания, безусловно, символична и универсальна в ее основных пространственных моделях. Космос как оседлого, так и кочевого типа культуры представляется пространственно гармоничным, поскольку это и есть эстетическая парадигма упорядоченности мифосистемы, которая устремлена к гармонично выстраиваемому космосу. Вместе с тем, если, к примеру, сравнить пространственное видение в режиме «космос-хаос», то его вектор смещается по линии вертикали и горизонтали: в представлениях древней античности хаос как непознанное, неупорядоченное, химерическое находится за видимым горизонтом, у кочевников преимущественно – в нижнем мире.

В древнетюркской мифологии владения божества Эрлик – пространство нижнего мира, в котором обитают существа вне «своего» пространства. Если в культуре оседлости космос – мир существующий, сотворенный, а хаос – несуществование, то для кочевников гармоничный космос и хаос соседствуют и взаимодействуют, а борьба с хаосом как его преодоление рождается в движении. Этот фактор объясняет особенности изобразительной гетеротопии двух этих типов культур. Думается, что этот вопрос требует своего специального развернутого комплексного изучения с позиции не только эстетического освоения пространства, но и социокультурного. Было бы интересно рассмотреть гетеротопию пространства с позиции сравнительного анализа особых принципов формирования эстетического топоса, основанного на функциональности социального пространства в историческом и типологическом аспектах.

Культура оседлых народов представлена в многообразии эстетических форм пространственных миров, поэтому изобразительность проявляется как особо ценностная структура визуального опыта. Она устремлена к наращиванию гетеротопии живописности как транзита объекта в художественное пространство, в стремлении, к примеру, в той же классической эпохе укрепить гармонию мира в иерархии ее формы. Процесс гетеротипизации здесь, безусловно, социально обусловлен как перенос и видоизменения пространственно-временных форм, происходящих в процессе культурно-исторических трансформаций. Можно полагать, к примеру, что универсальный антропологизированный космос западной визуальной модели мира

от эпохи к эпохе развивается по пути редукции целостного видения за счет бесконечной вариативности и коллажа различных топосов. Это особо убедительно демонстрируется визуальной культурой модерна: кризисные процессы отразились в языке формообразования «потерянного рая», т.е. проявляет себя господство эсхатологического дискурса.

Визуальная культура кочевников, безусловно, имеет иную природу изобразительности, которая, по мнению К. Нурлановой, своей «незамкнутостью, неразрывной полнокровной связью с окружающим миром» повлияла на осмысление художественного пространства (Нурланова, 2026, с. 235), а эстетическое выступает здесь в качестве своеобразного воплощения и манифестации свободного, т.е. пространственно неограниченного и подвижного видения мира. При этом само видение обусловлено эстетически устойчивыми универсалиями: «главное в самоощущении кочевника – очевидность, доступность истины» (Ауэзов, 2026, с. 73). В пространственном видении кочевника, обусловленном эстетической моделью, в преломленном собственным представлением духовного универсума, с укоренной в нем тенгрианской трехчастной вертикалью, мир, по определению, пространственно эпичен. «Мироздание степные племена делили на три части – земную, подземную и небесную, которые едины и значимы. В представлении древних мироздание таково, что во всех трех сферах имеются миры, подобные земному», – описывает Э. Шакенова (Шакенова, 2026, с. 87). Пространственный модус – вертикально означен. К примеру, герой раннего эпоса Ер-Тостик одолевает химеру, спускаясь в нижний мир: этот мотив типичен для тюркского героического эпоса. Универсальная стратегия мифа – рождение космоса как достижения, построения гармонии мира в преодолении хаоса – в героическом эпосе тюрков разворачивается в пространстве вертикально означенного топоса. «Истина – вертикаль: высота и глубина. Высота очевидна, глубины сокрыты. Кочевника чарует и влечет к себе очевидность. Оседлый движим желанием тайное сделать явным, докопаться до сути вещей. (Ауэзов, 2026, с. 36).

Природа эпического строится на гармоничном единстве человека и мира, созерцательности как целостного восприятия этого единого космоса. В результате эстетизации окружаемого мира, наделяния его атрибутами прекрасного, среда обитания «переставала быть чужой и неизведан-

ной. Она приводила в систему мир кочевника, делала его органической частью самой природы» (Акатаев, 2026, с. 41). Поэтому в срединном, «земном пространстве кочевник ощущает себя независимым и беспредельно могущественным» (Ауэзов, 2026, с. 59). Это утверждение дает основание предположить, что природа гетеротопии в культуре кочевников коренится в стремлении упорядочить пространственный мир, в котором «другие пространства» вливаются в единую картину бытия.

Поскольку, «главное в самоощущении кочевника – очевидность, доступность истины. Для него не существует сокрытых, «потусторонних» тайн не только в социальной сфере, но и в природе, включая Вселенную. Всему в мире есть объяснение в обыденном сознании кочевника» (Ауэзов, 2026, с. 60). В этом и заключается смысл его символического «обладания» пространством. Некогда Б. Паскаль высказал мысль, что достоинство человека – «не в овладении пространством, а в умении разумно мыслить». Поскольку «с помощью пространства Вселенная охватывает и поглощает меня, а вот с помощью мысли я охватываю Вселенную» (Паскаль, 1974). Подобно этому и для кочевника главное – понимать, что путник и его дорога наполнены сакральным смыслом познания мира, поскольку «естественное состояние непрерывного движения, перемещений вырабатывает в нем (кочевнике – А.Н.) знание законов пути, включающих в себя не только практические навыки использования условий экологической среды, но и систему этических норм, эстетических принципов, философских умозаключений» (Ауэзов, 2026, с. 60).

По мнению ряда исследователей эстетики кочевья, означенный особым языком его мир не мог быть чисто декоративным: развитая орнаментальность как эстетический опыт накопленных творческих традиций и канонов экранирует символическую картину мира и выступает как художественный текст кочевой культуры. «Не случайно почти весь предметный мир кочевника оформлен орнаментом, основу композиции которого составляет движение линии, стилизованность и напряженность всех составляющих» (Ибраев, 2026, с. 256). Эстетически осмысленное определение К. Нурлановой, что «мир, окружавший кочевника, опозитизирован в узоре» подкрепляется философским видением орнамента, в круговых линиях которого таится «символический смысл познания мира в его временных и пространственных ориентациях». В частно-

сти, исследователь отмечает, преимущественно округлой формы орнамент воплощает «цикличность жизни и сам мир, неизменный и вечный по представлениям кочевников», «передают чувство пути, с которым рождается кочевник» (Нурланова, 2026, с. 236).

А. Медоев трактует парадоксальную особенность «неиссякаемого стремления к «тектоническому равновесию» как принципа симметрии и гармонии в широком мировоззренческом его звучании, проявляемом в искусстве кочевников, обусловленного идеей движения и пространственными представлениями о безграничности и неустойчивости мироздания (Медоев, 2026, с. 307). Этот фактор определяет поиск гармонии в постигаемом кочевником мире и в способах ее достижения. Одним из проявлений чувства гармонии с миром является пространственная равновесность, согласно ее целостному видению. Эстетика пространственной равновесности во всей полноте «прописана» в казахском орнаменте. В частности, принцип последовательного расположения узоров, каждый из которых существует самостоятельно, но в череде их взаимодействия, отсутствует переплетение их с другим создает композиционное единство, осуществляемое дополнительно работой цветовой семантики и «линейным ритмом», и все это манифестирует эстетическое освоение пространства кочевника по линиям пути познания мира. «Являясь высшей формой обобщения, типизации явлений, этот принцип отразил особенности пространственной ориентации кочевника-скотовода» (Нурланова, 2026, с. 235).

Результаты анализа трудов коллективной монографии «Кочевники. Эстетика» в аспекте особенностей традиционной визуальной культуры казахов не претендуют на полноту освещения, понимания и обсуждения содержащихся в них концептуальных вопросов визуалистики. В статье нами была сделана попытка рассмотреть теоретико-методологический потенциал монографии, идеи которой актуальны в контексте современных тенденций науки, в частности, для визуальных исследований как традиционной казахской культуры, так и современного интереса к кочевой культуре.

Заключение

С момента первого издания книги «Кочевники. Эстетика» гуманитарное знание существенно расширило поле исследований про-

пространственных практик и визуальности. Между тем, исследование авторов анализируемой книги не потеряло своей актуальности в контексте современных гуманитарных исканий. Погруженность в реальный этнокультурный, исторически выверенный материал с позиции междисциплинарности раскрывает грани понимания номадизма как типа культуры. Исходя из осмысления особенностей традиций кочевой культуры казахов, был найден созвучный ее природе научный дискурс, способный раскрыть ее сущностные константы.

В настоящей статье рассмотрены, выделенные автором, как ключевые, концепты книги «Кочевники. Эстетика», которые обогатят методологию отечественных визуальных исследований. Акцент делается на мысли, прослеживаемой в книге, что кочевая культура вырабатывает уникальную форму пространственного мышления и эстетическую значимость созерцания мира в целостности его форм проявления, которые нашли свое средоточие в концепте о «духовном универсуме» культуры. В статье рассматриваются художественные принципы визуальной культуры, которые были исследованы авторами

монографии «Кочевники. Эстетика» в аспекте ключевых канонов эстетического видения кочевника, включая орнамент, предметную среду и пространственные представления. Тем самым, констатируется, что одна из граней художественного мира кочевой культуры – визуальный язык, символика и философия формы: пластика предметов быта, орнамент, структура пространства и восприятие природы, рассматриваемые через взаимосвязь искусства и образа жизни кочевников – не только наследие прошлого, но и актуальный современный дискурс гуманитарного знания.

Финансирование

Статья подготовлена в рамках проекта Научного комитета Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН AP23488164 «Традиционное и современное искусство Казахстана в фокусе визуальных исследований: иконография, семиотика и дискурс».

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Литература

- Ауэзов М.М. (2026) Энциклопедия//Кочевники. Эстетика (Познание мира традиционным казахским искусством). -Алматы, 314 С. (48-75).
- Маргулан А. Х. (1950) Казахское народное прикладное искусство. Алма-Ата, 150 с.;
- Муканов М. М. (1981) Казахская юрта. Алма-Ата, 205 с.;
- Толеубаев А. А. (1991) Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – нач. XX в.). Алма-Ата: Фылым, 160 с.;
- Масанов Н. Н. (1995) Кочевая цивилизация казахов. Алматы: Горизонт; Социнвест, 319 с.;
- Шаханова Н. Н.(1998) Мир традиционной культуры казахов. Алматы, 212 с.
- Оспанулы Е. Е. (2021) Этнографический атлас казахского орнамента. Шымкент., 667 с.; 214 с.;
- Тохтабаева Ш. Ш. (2008) Шедевры Великой степи. Алматы: Дайк-Пресс, 280 с.
- Mitchell W. J. T. (1994) Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation. Chicago: University of Chicago Press, 445 p.;
- Mirzoeff N. (1999) An Introduction to Visual Culture. London: Routledge, 304 p.;
- Berger J. (1972) Ways of Seeing. London: Penguin Books, 176 p.
- Barthes R. (1981) Camera Lucida: Reflections on Photography. New York: Hill and Wang, 119 p.
- Abikeyeva Gulnara G. (2016) Cinema of Central Asia: Rewriting Cultural Histories. London: I.B. Tauris, 296 p.;
- Baturina O. O.(2013) Landscape Painting of Kazakhstan. Almaty: [s. n.], 200 p.;
- Suleimenova S. S. (2017) Art of Kazakhstan in the 20th Century. Almaty: [s. n.], 250 p.
- Samal Mamytova, Әсет Құранбек (2021) *Национальная идея в визуализациях казахского эпоса* //Central Asian Journal of Art Studies. Т. 6, № 2. – С. 34–45.;
- Ахметова Д.С. (2021) Роль визуальных образов в формировании культурной идентичности // Вестник ЕНУ. № 2. С. 140–152.;
- Касымбекова А.Ж. (2022) Визуализация культурной памяти в искусстве Казахстана // Central Asian Journal of Art Studies. Т. 7. № 2. С. 90–104.;
- Толеубаева К.А. (2022) Визуальная антропология и исследование повседневности // Вестник ЕНУ. № 3. С. 120–132.
- Жумабекова М.С. (2021) Семиотика визуальных образов в традиционной культуре казахов // Известия НАН РК. Серия общественных наук. № 4. С. 77–89.;
- Нурпеисова А.Д. (2023) Визуальные репрезентации идентичности в казахстанской культуре // Вестник КазНУ. Серия культурология. № 2. С. 34–46.;

- Саутбекова А.К. (2022) Визуальная культура Казахстана: трансформация в условиях глобализации // Вестник ЕНУ. № 1. С. 88–99.;
- Светлана Шкляева (2025) *Visual studies: культура повседневности казахов в изобразительных источниках – графике художников имперского периода* // Central Asian Journal of Art Studies. Т. 10, № 2. – С. 55–76.;
- Balzhan Nurbossynova, Gulnara Saitova (2026) *Metaphor as a marker of creativity in digital visual art: aspect of socio-cultural communication* // Creativity Studies, Т. 19, № 1. – С. 117–131.
- Акатаев С. (2026) О специфике культуры кочевья// «Кочевники. Эстетика». – Алматы, -314 С. (22- 47).
- Бычков В.В., Бычков О.В. (2001) Эстетика // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, Т. 4. С. 456–466.
- Нурланова К.Ш. (2026) Символика мира в традиционном искусстве// «Кочевники. Эстетика» – Алматы, 314 С. (224-247).
- Шакенова Э. (2026) Художественное освоение мира// «Кочевники. Эстетика» – Алматы, -314 С. (78-107)
- Ибраев Б. (2026) Пространственные представления в культуре кочевников//«Кочевники. Эстетика» – Алматы, 314 С. (250-281).
- Нурланова К. Ш. (1999) Эстетика казахской культуры. – Алматы: Былым, 312 с.
- Foucault, Michel (2019)“Of Other Spaces.” In *Aesthetics, Method, and Epistemology*, edited by James D. Faubion. London: Penguin Books.
- Паскаль Блез. (1974) Мысли // Библиотека всемирной литературы. М.: Художественная литература, Сер. 1. Т. 42.
- Медоев А. (2026) Камень и эстетика номадов. ///«Кочевники. Эстетика» – Алматы, 314 С. (284-307)

References

- Auezov, M.M. (2026). Enkidada//Kochevniki. Estetika (Poznanie mira tradisionnym kazahskim iskustvom) [Enkidada//Nomads. Aesthetics (Understanding the World through Traditional Kazakh Art)]. *Almaty, 314 pp. (48–75).*
- Margulan, A. H. (1950). Kazahskoe narodnoe prikladnoe iskustvo [Kazakh Folk Applied Art]. *Almaty, 150 pp.;*
- Mukanov, M. M. (1981). Kazahskaia iurta [The Kazakh Yurt]. *Almaty, 205 pp.;*
- Toleubayev, A. A. (1991). Relikty doislamskikh verovani v semeinoi obradnosti kazahov (XIX – nach. XX v.) [Relics of Pre-Islamic Beliefs in Kazakh Family Rituals (19th – early 20th centuries)]. *Almaty: Gylym, 160 pp. ;*
- Masanov N. N. (1995). Kochevaia sivilizatsia kazahov [The Nomadic Civilisation of the Kazakhs]. *Almaty: Gorizont; Sotsinvest, 319 pp.;*
- Shakhanova, N. N. (1998) Mir tradisionnoi kultury kazahov [The World of Traditional Kazakh Culture]. *Almaty, 212 pp.*
- Ospanuly, E. E. (2021) Etnograficheski atlas kazahskogo ornamenta [Ethnographic Atlas of Kazakh Ornament]. *Shymkent, 667 pp.; 214 pp.;*
- Tokhtabaeva, Sh. Sh. (2008) Shedevry Velikoi stepi [Masterpieces of the Great Steppe]. *Almaty: Daik-Press, 280 pp.*
- Mitchell W. J. T. (1994) Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation. Chicago: *University of Chicago Press, 445 p.;*
- Mirzoeff N. (1999) An Introduction to Visual Culture. London: *Routledge, 304 p.;*
- Berger J. (1972) Ways of Seeing. London: *Penguin Books, 176 p.;*
- Barthes R. (1981) Camera Lucida: Reflections on Photography. New York: *Hill and Wang, 119 p.;*
- Abikeyeva G.G.(2016) Cinema of Central Asia: Rewriting Cultural Histories. London: *I.B. Tauris, 296 p.;*
- Baturina O. O.(2013) Landscape Painting of Kazakhstan. *Almaty: [s. n.], 200 p.;*
- Suleimenova S. S. (2017) Art of Kazakhstan in the 20th Century. *Almaty: [s. n.], 250 p.*
- Mamytova S., Kuranbek A.(2021) Nasionalnaia ideia v vizualizatsiah kazahskogo eposa [The National Idea in Visualisations of the Kazakh Epic] // *Central Asian Journal of Art Studies. – Vol. 6, No. 2. – pp. 34–45.;*
- Akhmetova D.S. (2021) Röl vizuálnyh obrazov v formirovanii kulturnoi identichnosti [The Role of Visual Images in the Formation of Cultural Identity] // *ENU Bulletin.No. 2. pp. 140–152.;*
- Kasymbekova A.Zh. (2022) Vizualizatsia kulturnoi pamäti v iskustve Kazahstana [Visualisation of cultural memory in the art of Kazakhstan] // *Central Asian Journal of Art Studies. Vol. 7. No. 2. pp. 90–104.;*
- Toleubayeva K.A. (2022) Vizualnaia antropologia i issledovanie povsednevnosti [Visual anthropology and the study of everyday life] // *ENU Bulletin. No. 3. pp. 120–132.;*
- Zhumabekova M.S. (2021) Semiotika vizuálnyh obrazov v tradisionnoi kultüre kazahov [Semiotics of visual images in traditional Kazakh culture] // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences Series. No. 4. pp. 77–89.;*
- Nurpeisova A.D. (2023) Vizualnye reprezentatsii identichnosti v kazahstanskoi kultüre [Visual representations of identity in Kazakhstani culture] // *Bulletin of KazNU. Series: Cultural Studies. No. 2. pp. 34–46.;*
- Sautbekova A.K. (2022) Vizualnaia kultūra Kazahstana: transformatsia v usloviah globalizatsii [Visual culture of Kazakhstan: transformation in the context of globalisation] // *ENU Bulletin. No. 1. pp. 88–99.;*
- Shklyayeva S. (2025) Visual studies: kultura povsednevnosti kazahov v izobrazitelnyh istochnikah – grafike hudojnikov imperского периода [Visual studies: the everyday culture of the Kazakhs in visual sources – the graphic art of artists of the imperial period] // *Central Asian Journal of Art Studies. – Vol. 10, No. 2. – pp. 55–76.;*
- Nurbossynova B., Saitova G. (2026) Metaphor as a marker of creativity in digital visual art: an aspect of socio-cultural communication // *Creativity Studies.– Vol. 19, No. 1. – pp. 117–131.*

- Akatayev, S.(2026) 'O specificke kul'tury kochev'ja [On the Specifics of Nomadic Culture]// "Nomads. Aesthetics". *Almaty*, 314 pp. (22–47).
- Bychkov, V.V., Bychkov, O.V. (2001) *Jestetika // Novaja filosofskaja jenciklopedija*. [Aesthetics // New Philosophical Encyclopaedia]. *Moscow: Mysl*, Vol. 4. pp. 456–466.
- Nurlanova, K.Sh.(2026) Simvolika mira v tradicionnom iskusstve// «Kochevniki. Jestetika» [The Symbolism of the World in Traditional Art // 'Nomads. Aesthetics'] *Almaty*, 314 pp. (224–247).
- Shakenova E. (2026) Hudozhestvennoe osvoenie mira// «Kochevniki. Jestetika» [Artistic Exploration of the World // 'Nomads. Aesthetics'] *Almaty*, 314 pp. (78–107)
- Ibraev, B. (2026) Prostranstvennye predstavleniya v kul'ture kochevnikov//«Kochevniki. Jestetika» [Spatial Representations in Nomadic Culture//"Nomads. Aesthetics"] *Almaty*, 314 pp. (250–281).
- Nurlanova, K. Sh.(1999) *Jestetika kazahskoj kul'tury*. [The Aesthetics of Kazakh Culture]. *Almaty: Gylym*, 312 pp.
- Foucault, Michel. (2019) "Of Other Spaces." In *Aesthetics, Method, and Epistemology*, edited by James D. Faubion. *London: Penguin Books*.
- Pascal, Blaise. (1974) *Pensées // Library of World Literature*. *Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, Series 1. Vol. 42*.
- Medoyev, A.(2026) Kamen' i jestetika nomadov. ///«Kochevniki. Jestetika» [Stone and the Aesthetics of Nomads. //"Nomads. Aesthetics"] *Almaty*, 314 pp. (284–307)

Сведения об авторах

Наурызбаева Альмира Бекетовна – доктор философских наук, профессор Казахской национальной консерватории имени Курмангазы (Алматы, Казахстан, e-mail: naurzbaeva_a@mail.ru).

Information about the authors

Almira Naurzbaeva Beketovna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Kurmangazy Kazakh National Conservatory, (Almaty, Kazakhstan, e-mail: naurzbaeva_a@mail.ru).

Авторлар туралы мәлімет:

Алмира Наурызбаева Бекетқызы – философия ғылымдарының докторы, Құрманғазы атындағы Қазақ ұлттық консерваториясының профессоры (Алматы, Қазақстан, e-mail: naurzbaeva_a@mail.ru).

Поступила: 20.01.2025

Принята: 25.04.2026